
ШЕПОТ
ЖЕЛЕЗА
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
С. БЫШОВ
18+

Сергей Бышов

Шёпот железа

«Автор»
2026

Бышов С.

Шёпот железа / С. Бышов — «Автор», 2026

Завод «Промтяжмаш» живёт по своим законам: план любой ценой, равнодушие начальства — и гул старого пресса «Зверя», от которого дрожат стены и сводит внутренности. Фрезеровщик Сергей слышит то, чего не замечают другие: инфразвук на грани восприятия, пробуждающий страх и голоса из прошлого.Когда фундамент пресса даёт трещину, а вибрация превращается в оружие, Сергей понимает: «Зверь» не просто ломается — он оживает. И питается он не электричеством, а человеческим ужасом.Чтобы остановить машинумонстра, придётся бросить вызов не только металлу, но и системе, для которой рабочие — лишь винтики.

© Бышов С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Частота распада 5
Глава 2. Резонанс 10
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Сергей Бышов
Шёпот железа

Глава 1. Частота распада

Пятый час смены. Пятый час Сергей слушал, как металл плачет.

Фреза вгрызалась в титановую болванку с глухим, утробным воем. В цехе механической обработки «Промтяжмаша» звуки никогда не были чистыми. Это была какофония из визга фрезы, шипения эмульсии и низкого, давящего на диафрагму гула. Но Сергей различал их все. Для обычного человека это был просто шум, под который хорошо спится в маршрутке. Для Сергея это была партитура.

Он чувствовал станок Deckel не руками, а лопатками. Через резиновые боты вибрация пола передавалась в кости. Ритм. Метроном. Вдох — подача, выдох — отвод. Когда-то, в прошлой жизни, на вышке с колючкой, он так же слушал периметр. Там тишина означала беду. Здесь тишина означала брак.

Сергей вытер лоб тыльной стороной ладони, оставляя серый след. Осень за стенами цеха выдалась гнилой. Слякоть и ранние сумерки просачивались даже сквозь мутные, десятилетиями немытые окна под потолком. Свет люминесцентных ламп делал лица всех мертвенно-зелеными, как у утопленников.

— Серёга, ты сегодня с той стороны заходишь или как? — голос Игоря вырвал его из транса.

Игорь подошел бесшумно, несмотря на свои сто килограммов живого веса и тяжелую походку. Он держал в руках две металлические кружки, от которых шел пар. Чай. черный и горький до тошноты, как любил Игорь.

— Зайду, — Сергей кивнул на Deckel. — Надо снять еще три сотки. Если этот поглотитель допусков опять не скинет размер.

Станок прозвали так за то, что он непредсказуемо «съедал» калибры. Старая немецкая техника, капризная, как примадонна. Но капризы Deckel были понятны. Их можно было вычислить, просчитать, укротить.

Вибрация пола изменилась.

Сергей замер. Чай в кружке Игоря пошел мелкой рябью. Это не был звук. Звук — это то, что бьет по барабанным перепонкам. Это было давление. Низкочастотная волна, инфразвук, который тело ощущало как надвигающуюся грозу, хотя небо за окном было затянуто ровной бетонной серостью.

Прессовый цех. Соседний ангар.

Там стоял «Зверь». Старый немецкий гидравлический пресс, установленный еще в восьмидесятых. По документам он проходил как «П23.4», но рабочие звали его «Зверем» за мощь и за то, что после него от металла оставались только плоские блины.

Три месяца назад у «Зверя» поплыл фундамент. Бетонная подушка, залитая еще при Брежневе, дала трещину. Но план горел. Директор распорядился не останавливать линию. «Подложите доски, укрепите распорками», — бросил он главному инженеру.

И «Зверь» начал петь.

Низкая, утробная нота, на грани слышимости. Она проникала сквозь беруши, сквозь двойные стекла респираторов, сквозь толстые кости черепа. Она оседала в желудке липким страхом.

— Опять давит, — Игорь поморщился и сделал глоток. — У меня от него изжога. Прям к глотке подкатывает, будто я лимон съел.

— Это не изжога, — тихо сказал Сергей. — Это вестибулярный аппарат сходит с ума.

Он посмотрел на свои руки. Пальцы мелко дрожали. Не от усталости. От спазма. Сосуды сужались, реагируя на частоту, которую не фиксировал ни один прибор в инструменталке.

— Серёга, ты бледный, — Игорь поставил кружку на край станка. — Шагом марш в бытовку. Покури. Я за тебя «сотку» сниму, мне не в падлу.

Сергей хотел отказаться. Трудоголизм был его броней. Работа на фрезере была честной. Металл не врал. Если ты давишь слишком сильно — он треснет. Если слабо — не возьмешь. Это была математика. Чистая, холодная, спасительная математика. В отличие от людей. В отличие от зоны.

— Я в норме, — Сергей снова взялся за штурвал подачи.

Игорь хмыкнул, пожал плечами и ушел, переваливаясь с боку на бок. Сергей остался один на один с Deckel.

Он закрыл глаза, позволяя ритму станка заполнить сознание. Это работало. Обычно. Но сегодня вибрация пресса была другой. Она не просто давила. Она пульсировала.

Бум-м-м... пауза... Бум-м-м...

Как огромное, больное сердце.

И в этой паузе, в этой абсолютной тишине между ударами пресса, Сергей услышал голос.

«Откати», — прошелестело прямо в ухе.

Сергей открыл глаза. В цехе никого. Только Димка, вчерашний студент, трясущимися руками протирал линзы защитных очков в дальнем углу. Юра ковырялся в щитке, бормоча матюги в адрес «сраной фазы».

«Откати стол», — повторил голос.

Он был сухим, лишенным эмоций. Голос диспетчера с зоны. Голос, который Сергей слышал в кошмарах последние два года. Голос, который сказал тогда: «Смотри, как он летит. Красиво сигает, а, Серёга? Не мешай. Ему до звонка пять лет осталось, а тебе до пенсии двадцать. Пусть летит».

Сергей тогда не нажал кнопку тревоги. Он просто смотрел в бинокль, как парень с третьего этажа жилого барака превращается в красное пятно на асфальте. Сергей завидовал ему. Тот хотя бы закончил свой срок.

— Сука, — выдохнул Сергей, ударив кулаком по станине.

Станок вздрогнул. Фреза чиркнула по титану, выбив сноп искр.

— Серёга! — заорал из другого конца цеха мастер. Идеально чистый синий китель поверх робы, в руках неизменный блокнот. Мастер никогда не кричал. Он подходил и молча стучал костяшкой пальца по твоему станку. Это был худший выговор. Но сейчас он бежал, смешно вскидывая худые ноги. — Ты охренел? Чуть «голову» не сбил!

— Вибрация, — буркнул Сергей, не глядя на него. — Пресс трясет.

Мастер остановился, тяжело дыша. Его лицо, обычно бледное, стало свекольным.

— Какой пресс? Ты в своем уме? Пресс в своем режиме. Это у тебя руки ходуном.

— У меня руки в порядке, — Сергей повернул к нему лицо. Глаза у него были пустые, стеклянные. — У меня голова в порядке. Это «Зверь» фундамент рвет. Вы все оглохли, мастер? Вы не слышите, как он воет?

Мастер сглотнул. Он посмотрел на свои руки. Они тоже дрожали, но он списывал это на одышку.

— Директор спустит с меня шкуру, если я остановлю линию из-за твоих... галлюцинаций. Иди в медпункт. Скажи — давление. Я прикрою на полчаса.

— Я не пойду, — отрезал Сергей.

Он снова повернулся к Deckel. Ему нужно было закончить деталь. Ему нужно было доказать, что он контролирует реальность. Что он не сумасшедший. Что вибрация — это просто физика, а голоса — просто усталость.

Он включил подачу.

Фреза вошла в металл. И в этот момент «Зверь» в прессовом выдал серию ударов.

БУМ. БУМ. БУМ.

Пол под ногами Сергея перестал быть полом. Он стал поверхностью воды. Твердая почва ушла из-под ног, сменившись тошнотворной качкой. Сергей схватился за станок, чтобы не упасть.

В глазах потемнело. Но темнота была не пустой. В ней зажглись красные буквы.

«НАРУШЕНИЕ РЕЖИМА».

«ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА».

«ПРИМЕТЫ ПОБЕГА».

— Серёга! — Игорь уже бежал к нему, отталкивая стажера. — Харэ! Хорош! Ты серый весь!

Сергей почувствовал, как его выворачивает. Желудок скрутило спазмом, но рвать было нечем — с утра он выпил только стакан воды. Он упал на колени, прямо в лужу отработанной эмульсии. Холодная, маслянистая жижа пропитала штаны насквозь.

— Дыши, братан, дыши, — Игорь упал рядом, обхватывая его за плечи. — Это просто башка кружится. Смена тяжелая.

— Он говорит, — прохрипел Сергей, глядя в бетонный пол.

— Кто говорит? — Игорь напрягался. Он знал историю Сергея. Не всю, но достаточно, чтобы понимать: когда «вертухай» начинает слышать голоса — дело дрянь.

— Диспетчер, — Сергей поднял глаза на Игоря. В них стоял животный ужас. — Он говорит откатить стол.

Игорь замер. В цехе повисла неестественная тишина. Даже Deckel заткнулся. Даже Юра перестал материться у щитка.

В этой тишине, оглушительной и звенящей, раздался звук.

Скрежет.

Металлический, рвущий уши скрежет со стороны прессового.

Все обернулись.

«Зверь» работал. Его гигантская плита ползла вниз. Но она ползла не пустая.

Пресс штамповал детали. Огромные, метр на метр, листы высоколегированной стали.

Но на этот раз между матрицей и пуансоном не было металла.

Плита опускалась прямо на бетонный пол.

— Какого хрена... — выдохнул мастер, роняя блокнот.

«Зверь» давил на собственный фундамент. Бетон не выдержал. С оглушительным треском, похожим на выстрел из гаубицы, плита перекрытия под прессом лопнула.

Многотонная махина «Зверя» просела на полметра.

Тросы, удерживающие плиту, натянулись как струны и лопнули со звоном лопнувшей совести. Один из стальных канатов, толщиной с руку, хлестнул по воздуху и врезался в колонну, поддерживающую крышу.

Колонна лопнула, как спичка.

— Бегом! — заорал Игорь, вскакивая и дергая Сергея за шиворот. — Всем из цеха! Обрушение!

Началась паника. Люди, минуту назад бывшие винтиками механизма, превратились в стадо. Стажер Димка замер на месте, глядя на оседающий пресс огромными, безумными глазами.

— Димка, беги! — крикнула Люба. Она стояла у своего сверлильного, прижимая к груди коробку с метчиками. — Сына твоего кто растить будет?!

Это сработало. Димка сорвался с места, спотыкаясь о кабель.

Сергей все еще стоял на коленях. Вибрация прекратилась. Пол снова стал твердым. Но в ушах звенело. И в этом звоне, чистом и ясном, как после контузии, он снова услышал голос.

«Я же говорил».

— Серёга! — Игорь практически тащил его на себе. — Ноги переставляй!

Они вывалились из цеха механической обработки в общую галерею за секунду до того, как крыша над прессовым с грохотом обвалилась, подняв облако белой, удушливой пыли.

Завыла сирена. Но Сергей ее не слышал. Он смотрел на свои ладони. Они были серыми от эмульсии и мелко тряслись.

— Это не кончится, — сказал он тихо, так, чтобы слышал только Игорь. — Он не сломался. Он просто... настроился.

В бытовке воняло потом, сырой резиной и дешевым табаком. На лавках сидели выжившие. Димка плакал, уткнувшись в плечо Юры. Люба разливала по кружкам валерьянку, капая мимо от дрожи в руках. Николай, мастер, сидел в углу и методично сворачивал самокрутку, его движения были абсолютно спокойными, пугающе спокойными.

— План сорван, — констатировал вошедший Артур, заместитель начальника цеха. Он был бледен, но спокоен. Холодная рыба. — Директор рвет и мечет. Требует объяснительные.

— Объяснительную? — Игорь поднял голову. Его лицо налилось кровью. — Там плита в подвал ушла, Артур! Там людей могло похоронить! Какая, в бога душу мать, объяснительная?!

— Успокойся, — Артур даже не моргнул. — Инженеры говорят, это гидроудар в системе пресса. Случайность. Завод не останавливаем. Через час начинаем уборку. Вторая смена выйдет в ночь.

Сергей почувствовал, как внутри что-то оборвалось. То же самое чувство, когда он смотрел в бинокль на падающего зэка. Полное, абсолютное равнодушие системы к деталям.

— Мы все сдохнем в этом скотомогильнике, — сказал Сергей в звенящую тишину бытовки.

Он встал. Ноги держали. Он подошел к своему шкафчику, достал пачку Winston и закурил.

— Серёга, ты чего? — Игорь поднялся.

— Я иду к директору, — Сергей выпустил дым в сторону заместителя начальника. — Я ему расскажу про инфразвук. Про фундамент. Про то, что ваш «Зверь» сходит с ума.

Артур едва заметно улыбнулся. Улыбка была вежливой, пустой.

— Серёга, не глупи. Ты сейчас на взводе. У тебя давление. Иди домой, отоспись. Я подпишу тебе отгул.

— Я не на взводе, — Сергей затушил сигарету прямо о подошву берца. — Я в режиме.

Он прошел мимо Артура, толкнув плечом дверь бытовки.

В коридоре заводоуправления было тихо. Слишком тихо. Стены здесь были обшиты деревянными панелями, которые, казалось, впитывали все звуки. Сергей шел по красной ковровой дорожке, его тяжелые рабочие ботинки не издавали ни звука.

Секретарша директора, ухоженная женщина с шишкой на голове, подняла на него глаза.

— К нему нельзя. У него совещание.

— У меня тоже, — Сергей нажал на ручку двери.

В кабинете пахло кожей и кофе. За огромным столом из красного дерева сидел директор. Напротив него, в кожаных креслах, сидели двое в серых костюмах. Заказчики.

— Я занят, — директор поднял глаза от бумаг. У него было лицо человека, который никогда не спит, а только иногда закрывает глаза, чтобы сэкономить время. — Я же сказал...

— Пресс провалился, — перебил его Сергей. Он подошел к столу и оперся на него кулаками, нависая над директором. — Плита лопнула.

— Мы в курсе, — спокойно сказал один из людей в сером. — Это производственный риск.

— Это не риск, — голос Сергея стал тихим, и от этого он зазвучал страшнее крика. — Это убийство. Вы знаете, что частота вибрации пресса — семь герц? Это частота паники. Резонанс с альфа-ритмами мозга. Вы сводите людей с ума. Вы заставляете их блевать кровью, а потом пишете в медкартах «гастрит».

Директор медленно положил ручку.

— Мастер участка. Кажется... Сергей?

— Фрезеровщик четвертого разряда, — уточнил Сергей.

— Вот что, фрезеровщик, — директор говорил вкрадчиво, почти ласково. — Иди в цех. Помогай разгребать завалы. Если ты сейчас же не выйдешь из моего кабинета, я уволю тебя по статье. За прогул. Твоя трудовая будет такой грязной, что тебя даже в дворники не возьмут. У тебя двое детей, Сергей. Подумай о них.

Сергей смотрел на него. Он видел перед собой не человека. Он видел другую вышку. Другой периметр. Только колючка была золотой, а вышка — кожаной.

— Я уже подумал, — сказал Сергей.

Он развернулся и вышел.

Дверь кабинета закрылась с мягким, чавкающим звуком.

Сергей спустился по лестнице. На улице стемнело окончательно. Слякоть превратилась в лед. Он достал телефон.

Татьяна.

— Да, Сереж? Ты скоро? Вика кушать не садится без тебя, — голос жены был теплым, родным. Он был из другого мира. Мира, где пол не уходит из-под ног.

— Задержусь, — сказал Сергей, глядя на дымящуюся громаду «Промтяжмаша». — У нас тут... небольшое землетрясение.

— Будь осторожен, — вздохнула она.

— Я всегда осторожен, — ответил он.

Он убрал телефон. Руки больше не тряслись. Внутри была пустота и холод. Тот самый холод, который спасал его на вышке.

«Зверь» в цехе снова заработал. Они уже поставили распорки. Они уже убрали пыль.

План должен быть выполнен.

Сергей посмотрел на свои ладони. В лунном свете они казались синими.

Он не сошел с ума.

Он просто вернулся на службу.

Срок — до пенсии. Зовут — «до звонка».

И он знал, что «Зверь» на свободе не остановится.

Глава 2. Резонанс

Ночной цех пах мокрой пылью. Резкий свет прожекторов выхватывал из темноты искореженные балки — ребра мертвого зверя. Сергей стоял у края провала. Внизу, на глубине трех метров, в бетонном крошеве торчала гигантская ступня «Зверя».

— Серёга, подай строп! — крикнул снизу Игорь.

Он был там, внизу, в эпицентре, командуя бригадой слесарей. На Игоре не было каски, только бандана, и лицо его было черным от сажи. Но он шутил. Он всегда шутил, когда пахло жареным. Это была его броня.

— Сейчас рухнет, — спокойно сказал Николай, подходя к Сергею. Старик не суетился. Он просто смотрел на трещину в потолочной ферме. — Вторая опора на честном слове держится.

— Уводи людей, — бросил Сергей.

— Увел, — Николай кивнул в сторону бытовки. — Там сидят. Только Артур орет в рацию, требует график.

Сергей посмотрел на рацию у себя на поясе. Она молчала, но он знал: Волков сидит в тепле и пьет чай. Для директора «Зверь» был просто цифрой в отчете. Убытком.

— Серёга! — снова заорал снизу Игорь. — Ты уснул?

Сергей сбросил конец стального троса. Игорь ловко поймал его грязной рукавицей.

— Люба! — позвал Сергей. — Замерь вибрацию у основания.

Люба, стоявшая поодаль с тяжелым виброметром, вздрогнула. Она не любила подходить близко к провалу.

— Серёж, тут зашкаливает. Даже когда он стоит. Пол дрожит.

— Он не стоит, — сказал Сергей. — Он поет.

В этот момент «Зверь» издал звук. Не скрежет, не удар. Низкий, утробный гул, от которого заложило уши. Сергей почувствовал его не ушами — пахом, печенью, зубами.

Трещина в потолке с хрустом побежала дальше.

— Бегом! — Сергей рванул к бытовке.

Он влетел внутрь, сбив с ног Димку.

— Все на улицу! Живо!

— Да куда... — пискнул стажер.

Сергей схватил парня за шкирку, как котенка, и вышвырнул в промерзшую грязь двора. Следом вылетела Ирина, прижимая к груди какие-то ведомости.

— Сергей, ты охренел?! — в бытовку влетел Артур. Его идеальный китель был испачкан в мазуте. — Это порча имущества! Я докладную пишу!

Сергей подошел к нему вплотную. Он был выше на голову.

— Пиши, — тихо сказал Сергей. — Только сначала выйди отсюда.

Артур побледнел. Он увидел глаза фрезеровщика. Там не было страха. Там была пустота зоны, где человеческая жизнь стоит дешевле сломанного резца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.